Автор: словарь
27.07.2009 05:30 -

"РОССИЯ: ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЕСЯ ОБЩЕСТВО" (Москва, 2001) - коллективная монография, представленная под редакцией В.А. Ядова (см.), в которой на основе сравнительного историко-социологического анализа и кросс-культурных исследований ряда обществ, переживающих радикальные преобразования, дается описание и объяснение многообразных процессов и явлений, происходящих в российском обществе.

Российские трансформации рассматриваются под углом зрения разных теоретико-методологических подходов, в частности, классических теорий взаимосвязи социально-экономических, социально-политических и социально-культурных факторов, с позиций веберовского различения двух типов капитализма, новейших теорий социологии пространства и концепции общества рисков в контексте деятельностно-активистской и иных методологий.

Значительная часть статей посвящена интерпретации сдвигов в социальной структуре общества, анализу тенденций развития этнических взаимоотношений, рассмотрению способов минимизации и упреждения конфликтов на этой почве, динамике адаптации разных групп населения к меняющимся условиям, социальным проблемам образования, семьи, здоровья, растущей угрозе наркотизации и алкоголизации. Представлены статьи, рассматривающие управленческие действия в условиях бедствий и катастроф, модели формирования взаимодействия между социальными исследователями, административными органами и гражданами при осуществлении различных модернизационных проектов. Книга явилась результатом работы исследовательского коллектива в рамках общеинститутской программы "Социально-культурные процессы в России на пороге XXI века в контексте глобальных социальных изменений" (1998-2001).

В.А. Ядов, исходя из многолетних дискуссий на тему "Куда идет Россия?", теоретических представлений о "движущих силах" исторического процесса и представлений о цивилизационных особенностях российского социального характера и менталитета, формулирует несколько выводов.

Вывод первый состоит в том, что российские трансформации будут успешны и эффективны при условии высокого авторитета государственных структур. В любом обществе авторитет власти стабилизируют его социальные институты, но в российском обществе при слабости гражданских "горизонтальных взаимосвязей" этот фактор в

трансформационных процессах остается решающим.

Второй вывод относится к явлениям, которые можно обозначить как высоко развитую в российском социальном характере адаптивность к трудностям жизни, травмирующим преобразованиям последнего десятилетия. По результатам исследования самоидентификаций обнаруживается достойная удивления сопротивляемость бедных слоев населения признанию себя таковыми: при сопоставимом уровне благосостояния заметная доля поляков определяет себя в категориях бедности, но такая же доля россиян относит себя к "среднему слою".

Общероссийские опросы ВЦИОМ фиксируют завидную стабильность пропорций граждан, не желающих признать бесперспективность своего положения. Третий вывод связан с формированием общества "социальной справедливости". Маловероятно, что западная (протестантская) модель, согласно которой преуспевающий в силу своих талантов и усердия достигает благополучия, восторжествует в российском обществе. Успех и благополучие в наших конструкциях социальной реальности традиционно связываются либо со счастливыми обстоятельствами, либо с попранием нравственных основ.

Поэтому удачливый и благополучный должен делиться с менее удачливым. То, что называют социальной политикой перераспределения доходов граждан, - единственно возможный путь российских трансформаций в направлении модели социально справедливого общества - поддержки сильными (граждане-налогоплательщики, регионы-доноры) слабых.

Реальная проблема - создание экономических и социально-политических условий увеличения доли первых и минимизация доли вторых. Но при этом многократный разрыв в доходах благополучных и бедных останется источником социального напряжения и дезинтеграции.

Ю.Н. Давыдов (см.) отмечает, что как "новый русский" капитализм, так и латиноамериканский с одинаковым основанием могут быть подведены под рубрику "компрадорского" капитализма, т.е. живущего за счет распродажи иностранному капиталу национальных богатств и предоставления в его распоряжение дешевой рабочей силы. Вместе с тем главное и принципиальное отличие российского капитализма от всех других типов связано с происхождением "новых русских" капиталов, обусловленным, с одной стороны, экономической коррупцией, проникающей во все поры общества, а с другой - тотальной эрозией культуры.

Первое, что обращает на себя внимание при сопоставлении "нового русского" капитализма с "архаическим" (по М. Веберу - см.), - это общность их "первоисточника" - предпочтительной сферы добывания стартового капитала и его последующего приумножения. "Архаический" капитал добывался вне производственной сферы и никак не стимулировал производство, он возникал независимо от производственных усилий его обладателей, от какого-либо участия в процессе производства потребительских благ, делая деньги из денег же.

Таким же образом, вне производственной сферы обретается и "новый русский" капитализм, порождая новый тип "нового русского" капиталиста.

И хотя исходные пункты этих двух разновидностей одного и того же типа "капиталистической деятельности" были радикально различными, но сошлись они в точке, блокирующей промышленное развитие, лишающей его культурно-исторических и социально-экономических перспектив. Купец-ростовщик, купец-откупщик, купец-поставщик, купец-чиновник, создающий свой капитал с помощью взяточничества, - таковы фигуры капиталистов в условиях "архаического" капитализма (по Веберу), и таковы же - у нас, оттесняя на задний план фигуры, типичные для современного промышленного капитализма.

Таким образом, "новый русский" капитализм не дает никаких оснований считать его современным капитализмом. Типологически он гораздо более схож с "архаическим" капитализмом, заставляя ожидать от него то же самое, что он неизменно демонстрировал и продолжает демонстрировать сегодня на Западе.

З.Т. Голенкова (см.), рассматривая основные тенденции трансформации социальных неравенств, обращает внимание на обусловленность этих тенденций тремя группами факторов. К первой группе относится глобализация социально-экономических и социокультурных процессов на рубеже веков.

При этом наиболее развитые страны в состоянии "шока перед будущим" активно реализуют цивилизационные процессы интеграции, а транзитивные, постсоциалистические общества, переживая синдром "шока от прошлого", становятся на путь дезинтеграции, сопровождаемой религиозными, национальными и социальными конфликтами. Ко второй группе факторов относятся факторы радикальной деконструкции общественных основ, что делает трансформацию как выход из нестабильного состояния неизбежной.

Третья группа факторов имеет внутренний, российский характер и заключается в отсутствии теоретически и практически обоснованной политики по социальной реконструкции России, в силу чего такая реконструкция происходит стихийно. Суть происходящего в настоящее время на социальном пространстве российского общества - это изменение общей композиции соотношения групп и слоев, их иерархии и ролевых функций, углубление социального неравенства между ними.

В условиях социальной поляризации наблюдается экономический откат, неравномерное развитие разных сфер жизнедеятельности, массовое разрушение этических норм, преобладание дезинтеграционных процессов. Общество, в котором отсутствует средний класс и четко обозначены интересы лишь бедных и богатых, антагонистично, неустойчиво, конфликтно. Для достижения социального консенсуса, при котором только и возможно преодоление экономического и политического кризисов, необходима интеграция совместных усилий всех социальных слоев.

В.А. Мансуров и Л.А.

Семенова анализируют некоторые тенденции в развитии профессиональных групп российской интеллигенции. Изучение социальных процессов, имеющих место в реформируемом российском обществе, позволяет им говорить, во-первых, о колоссальном разрыве в уровне доходов между основной массой "бюджетной" интеллигенции и той частью лиц с высшим образованием, которые работают в частном секторе экономики или представляют "свободные профессии".

Во-вторых, намечается стирание границ между квалифицированными рабочими и специалистами с высшим образованием, не связанными с властью и бизнесом. Этому способствует прогрессирующая тенденция к росту несоответствия между образовательным уровнем и уровнем оплаты труда.

Сравнение интеллигенции (специалистов) с остальной частью населения позволяет сделать вывод о том, что у них совпадает иерархия актуальных проблем: ухудшение материального положения, неуверенность в судьбе своих детей, боязнь стать жертвой преступления. Интеллигенция, которая никогда не была однородной социальной группой, в настоящее время становится еще более дифференцированной. Богатые и бедные, прогрессивно мыслящие и консерваторы, поддерживающие власть и оппозиционно к ней настроенные, чтящие букву закона и исповедующие принцип "революционной целесообразности" и т.п. - такова палитра социальных, психологических и политических различий в нынешней российской интеллигенции.

А.Л. Темницкий, рассматривая стратегии трудового поведения наемных работников, обращает внимание на то, что 1990-е стали временем тяжелых испытаний для большинства наемных работников российского общества, т.к. государство сняло с себя какие-либо обязательства по улучшению их положения.

В этих условиях начали активно вырабатываться самостоятельные способы выживания, которые сложились в различные стратегии поведения: от иждивенческой до криминальной. Для активной части наемных работников более всего оказалась приемлемой стратегия максимизации труда; при этом они не довольствуются ориентацией на интенсивный труд на одном предприятии, а стараются расширить арсенал способов выживания за счет вторичной занятости и работы на огородных участках.

Наиболее привлекательными для осуществления стратегий максимизации труда стали частные успешно действующие предприятия, на которые устремилась наиболее молодая и квалифицированная часть наемных работников. Стремясь повысить материальное благополучие своих домохозяйств, они выражают готовность поступиться многими привычными и характерными для развитого рынка труда ценностями ради одной: более высокого заработка. Однако ориентация на максимизацию труда в целях достижения возможно более высокого заработка, характерная для 1/3 работников частного предприятия и 1/10 - акционерного, сталкивается с зависимостью труда работника от его взаимоотношений с руководством. Осознание этой зависимости как негативного фактора приводит к повышению неудовлетворенности сложившейся ситуацией и способствует росту трудовой мобильности.

В целом книга формирует у заинтересованного читателя достаточно полное представление о теоретико-методоло-гических подходах к рассмотрению социокультурных процессов в трансформирующемся обществе, раскрывает существо социально-адаптационных явлений, сопровождающих эти процессы, показывает меняющиеся ролевые функции представителей разных социально-демографических и социально-профессиональных групп в меняющемся обществе.

Г.Н. Соколова